

Русская Война: Дилемма Кутузова—Сталина

Лев Исаков

Лев Исаков

**Русская война: дилемма
Кутузова-Сталина**

«Accent Graphics communications»

2014

Исаков Л. А.

Русская война: дилемма Кутузова-Сталина / Л. А. Исаков —
«Accent Graphics communications», 2014

На материале сравнения стратегий Сталина и Кутузова автор выходит на тему великой евразийской дилеммичности: ничего не отдано, если не отдано все – открывая качественно иное пространство исторического; не сводимое ни к какой иной реалии всемирного исторического процесса; рождающее иной тип Исторического Лица, Эпохи, Исторического действия, наиболее ярко явленного в 1812 и 1941 годах. Автор скрупулезно следовал за действиями этих гениев в поисках понимания их смысла; и как же это оказалось плодотворно, вплоть до заявлений специалистов о “новом слове в историографии”. Это потребовало, кроме прочего, обращения к этно-исторической психологии, оформления конкретно-исторических портретов данных лиц.

© Исаков Л. А., 2014

© Accent Graphics
communications, 2014

Содержание

Предуведомление Редактору и Читателю, взятое из текста	7
Глава 1. Гений Сталина – О великой сверхзадаче 1941 года	8
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Лев Алексеевич Исаков
Русская война: Дилемма Кутузова-Сталина
Издание 2-е; Дополненное;
В авторской редакции

В 2013 году монография РУССКАЯ ВОЙНА: ДИЛЕММА КУТУЗОВА-СТАЛИНА ЗАНЯЛА 1-Е МЕСТО ПО ПОПУЛЯРНОСТИ исторических русскоязычных изданий в государстве Израиль, выйдя на 15-е место в общем составе 1289 наименований реализованных произведений русской литературы.

Президентская Библиотека Республики Беларусь приобрела книгу РУССКАЯ ВОЙНА: ДИЛЕММА КУТУЗОВА-СТАЛИНА.

В Российской Федерации книгу приобрели:

- Библиотека РАН.
- Государственная Публичная Историческая библиотека России.
- Российская национальная библиотека/СПб/.
- Научная библиотека Московского Гос. Университета им. М.В.Ломоносова.
- Научная библиотека Московского университета им. С.Ю.Витте.
- Научная библиотека Иркутского университета.
- Государственная универсальная научная библиотека Красноярского края.
- Омская областная научная библиотека им. А.С.Пушкина.
- Новгородская Областная Научная Библиотека.
- Псковская универсальная научная библиотека.
- МЦБС им. М.Ю.Лермонтова/СПб/.
- Вятская областная библиотека им. А.И.Герцена.

Всемирная каталожная система OCLC WorldCat извещает о приобретении книги своими корпорантами

1. The British Library, St. Pancras, London, NW1 2DB United Kingdom
2. Library of Congress, Washington, DC 20540 United States
3. Dartmouth College Library, Hanover, NH 03755 United States
4. Harvard University, Harvard College Library, Cambridge, MA 02139 United States
5. Yale University Library, New Haven, CT 06520 United States
6. Columbia University In the City of New York, Columbia University Libraries, New York, NY 10027 United States
7. New York Public Library, New York, NY 10018 United States
8. New York University, Elmer Holmes Bobst Library, New York, NY 10012 United States
9. University of Pittsburgh, Pittsburgh, PA 15260 United States
10. Duke University, Duke University Library, Durham, NC 27708 United States
11. University of Chicago Library, Chicago, IL 60637 United States

12. University of Illinois at Urbana, Champaign Urbana, IL 61801 United States
13. University of Arizona, Tucson, AZ 85721 United States
14. UC Berkeley Libraries, Berkeley, CA 94720 United States
15. University of Toronto Libraries, 130 George Street, Toronto, ONM5S 1A5 Canada

Кроме того книга объявлена в каталогах: Библиотеки Университета штата Индиана/Блумфилд/; Библиотеки Университета штата Миннесота / Миннеаполис/.

Предуведомление Редактору и Читателю, взятое из текста

Уважаемый читатель, если бы ход исследования соответствовал логике простого утверждения – «... кратчайшее расстояние из пункта А в пункт Б...» – скучно было бы жить! Я начал работу «Дилемма Кутузова – Сталина» в умозрении Дилеммы Сталина, соединяя с ней построения МИ. Кутузова, как сравнительный и относительно ясный материал; обернулся к ней как к истокам для прояснения некоторых историсофских посылок, как к более нейтрально-отстраненной; неожиданно и с большим интересом обнаружил, что как таковая, сама по себе, она не менее, а даже более затенена, размыта, впаяна в тьму-толщ, нежели «логизированный выбор» великого горца; нашел, что она менее «навязана» и более «выбрана», менее «возникла» и более «создана», т. е. имеет более артистический и мастерский характер, нежели коллизия 1941 года, т. е. полагает в себе нечто более возвышенное, нежели постижение «осознанной необходимости»; обнаружил на основе ее материала, что сама по себе эта коллизия – аберрация, «евразийская дилеммичность», возникает как результат переноса европейских мерок на бесконечно превосходящий их мир пространства и духа.

Поэтому если придерживаться развитию-движению исследования, а не логике хронологической последовательности, то чтение работы, вопреки порядка названия и сомнению издателей, должно быть следующим:

- 1) Сталин**
- 2) Кутузов**

ОТЗЫВЫ (самый дорогой для меня)

Варенников Валентин Иванович/ Неповторимое/Книга 7/Часть 11/Глава 1

В журнале «Слово» (2002, № 2) помещена статья историка Льва Алексеевича Исакова. Это анализ деятельности Сталина с глубокими и философскими выкладками. Статья касается предвоенного и начального периода войны. Меня она порадовала не только тем, что наши взгляды с автором совпадают, но он, автор, обладая уникальным материалом и личным даром, классически все это подал читателю.

Входя мысленно в контакт с Исаковым, я разделяю его два принципиальных положения (и это новое слово в историографии)...

*Герой Советского Союза, генерал армии Валентин Варенников
Президент Российской ассоциации Героев Советского Союза, Героев России и
кавалеров ордена Славы трех степеней.*

Глава 1. Гений Сталина – О великой сверхзадаче 1941 года

*Перечеканиваю монеты
Диоген из Синопы*

Две войны в российской истории, 1812–1813 гг. и 1941–1945 гг., удостоились великой чести быть провозглашёнными Отечественными. Их сближает и значение в национальной судьбе евразийских народов, и многие внешние детали и обстоятельства, да и некоторый совпадающий внутренний смысл событий.

Они – явления международные, особенно вторая, и глубоко национальные, интимно-тайные; прокатившиеся в громе – и тишине, в явленности – и мраке.

Можно сказать, мы так и не знаем, даже привлекая художественно-психологический гений Льва Толстого и изумительную военную одарённость Карла Клаузевица, величайших мыслителей тайны духа и Молоха войны, писавших о 1812 годе, – что думал и положил в своей душе М.И. Кутузов на Бородинском поле, с чем он ехал к армии за пару недель до того и какой мерой оценивал он события, когда гнал и шадил, истреблял и пособлял Наполеону на страшной Смоленской дороге, уничтожал дивизии и корпуса, губил тьмы и тысячи к выпускал последний десяток, сотенку, конвойчик.

Мы не разгадали даже очевидных, наяву и зримо поставленных загадок 1812 года:

– причины выдвигания Шевардинского редута на Бородинском поле;

– явную нецелесообразность распределения сил между Барклаем и Багратионом;

– и наконец, в связи с этим, как же всё-таки собирался осуществить «своё» сражение М.И.Кутузов без вмешательства провидчества Наполеона и насколько французский военный гений нарушил эти замыслы, и нарушил ли вообще, если оно состоялось и имело обескураживающий результат.

Великий военный мыслитель, замечательный умница гегелевского типа Карл Клаузевиц, подводя итоги исследования войны в своей работе «1812 год» и с научной добросовестностью установив и доказав, что действия русского главнокомандующего были зачастую неправильны, в основном неглубоки и нередко хрестоматийно ошибочны, завершает её ёрнической фразой, показывающей его превосходство как исследователя и честного наблюдателя над ослеплёнными собственными построениями педантами-критиками «...Но если в результате этих ошибочных действий Наполеон потерял 450 тысяч войска, всю конницу и артиллерию и вернулся в Европу едва с 10–12 тысячами боеспособной массы, значит Кутузов поступал правильно, даже и вопреки стратегии».

Мы крайне мало осознали М.И.Кутузова в единстве разнородного богатства всей его деятельности; где и когда он поступал не как европейски образованный генерал, а как мудрый старец-вождь, знающий своё беспокойное племя (о чём очень пронизательно пишет Клаузевиц «с точки зрения стратегии Бородино было поражением – Кутузов объявил о победе, и, учитывая воздействие его манифеста на общество, надо признать, он лучше знал свой народ»); мы только нащупываем и мямлим, что в действиях великого старика был не только военный, но и политический смысл, без вскрытия и оценки которого нам не ясна вполне вся картина войны; мы не знаем, как сказались на них Павловская доктрина русско-французского альянса начала 1800-х годов, одним из немногих преданных сторонников императора – творца которой был М.И.Кутузов – мы не знаем многого!

Но главное содержание военной драмы лета 1812 года установлено и очевидно – используя территориальный фактор, обеспеченный глубоким укрытием жизненно важных националь-

ных центров внутри государства и нечувствительностью феодально-сословного населения к буржуазно– либеральной пропаганде, раскатать французскую армию по великой восточно-европейской равнине среди враждебного ей по духу (вспомните рассказ Стендаля «Штурм редута», который интендантом Анри Бейлем прошел кампанию 1812 г.), вере, языку, обычаям, темпераменту населения, завлекая вглубь страны и там обрушить на неё, ослабленную непосильной коммуникационной линией, решающий удар. Об этом говорил в 1811 году Александр I Коленкуру, это знал и явил в своих действиях разумный и твёрдый М.Б.Барклай-де-Толли, это тем более было близко М.И.Кутузову, в своей военной практике, ещё в пору Австрийского похода обнаружившего особое дарование к использованию времени и пространства – это в тесной– то Европе! Теперь у него был в распоряжении весь Евразийский континент...

И только одна заноза впиалась в фалду его сюртука и в сердце – Москва! И он её вырвал – только когда? После потери Смоленска? Или только после Бородина? Было ли оно ритуальной гекатомбой или чем-то более великим, утверждением в национальном самосознании традиции «За Москву враг всегда платит!»; или преобладали чисто военные соображения, привлекая внимание Наполеона перспективой генерального сражения, увлечь его к одному пункту, скрыв другие цели и возможности, оторвав от опасных, по начальному превосходству завоевателя, действий на периферии – ведь по итогу из 600-тысячной армии в августе активно действовали где-то 160–180 тысяч, а потом и менее 100 тыс... Крылья замерли и опали, что полностью освободило Витгенштейна и Чичагова для выхода на коммуникации основной московской группировки Наполеона... А может, и всё вместе – но общий смысл событий был очевиден!

Грандиозная драма 1941-45 гг. была бесконечно выше, величественней, надрывно-предельней, – можно сказать, что все события Первой Отечественной, от неманской переправы утра 12 (24) июня до Малоярославского поля, отложились в её первом году – а впереди было ещё четыре...

Но как мало, смутно, несообразно непропорционально знаем мы о смысле этого первого года в отношении той чудовищной горы фактов едва ли не о каждой минуте этих дней лета – осени 1941 г. Ошеломляющий поток событий не прояснен, не упорядочен, не вскрыт в основе своего стержня, той единой пронизывающей ноты, что касается содержания всех событий и, неуловимо гениальная, меняет их смысл относительно внешней данности и приводит к итогу, ещё более обескураживающему, чем Бородино. Мы были несомненно и безусловно поражены летом 1941 года, наша кадровая армия мирного времени, в значительной своей массе с двух-трехлетней выучкой, многочисленная, добротная, богато снабжённая техническими средствами была разгромлена, а соотношение потерь убитыми и пленными (800 тыс. – 3300 тыс.) – классический, хрестоматийно затасканный показатель надлома воинского духа – прямо свидетельствовал о далеко зашедшем поражённости (сравните Бородино 1812 года – 43500 убитых и 1000 (!) пленных). Далее уже были истребительные батальоны, ополчение... и вдруг чудо 4–6 декабря, когда войска, терпевшие поражения при полугора-двухкратном превосходстве громят равного и даже большего по численности неприятеля, когда в хаосе выступила воля, а безумная буря опала, открыв завершающий неожиданный итог.

Что было тем фактором, вокруг которого и за обладание которым происходила главная скрытая борьба, та невидимая коллизия событий, которая подводила к моменту, когда висящее на сцене в 1-м акте ружьё выстрелило в 4-м?

Можно сказать, что всё написанное о 1941 годе есть просто «бессмысленная» регистрация событий, что было там-то и там-то в то-то и то-то время, а бессильное теоретизирование, скорее раздражает своей беззубостью, лучше уж простая констатация фактов типа «что дождь идёт летом, а снег зимой», она, по крайней мере, показывает зияющую пустоту обобщений,

подвигая на более глубокие размышления, нежели те, что есть в наличии, те, что, не проясняя смысла события, топят его в глубине пустословного моря.

Да, Великой Отечественной не повезло – её не живописал Лев Толстой, в её хитросплетениях не разбирался Клаузевиц, её скорее брали количеством, а не качеством авторов; отечественная историография находилась на откупе у сонма узурпировавших её тему политиков, тянувших одеяло событий на себя, один под Киев, другой на Малую землю; западная историография старательно-пристрастно замалчивала, боясь раскрыть её значение во всемирном масштабе более, нежели естественных aberrаций и бессмыслиц отработываемой концепции всемирно-исторического процесса 40–50 гг., возникавших вследствие неучёта её фактора (характерно название американского сериала о Великой Отечественной войне в 1980-х годах «Эта неизвестная война на Востоке»).

Но та дикая галиматья, в которой оказалась отечественная политика и история в конце 20-го века, та явленная нам картина Бедлама всех институтов и идеогем настоятельно требуют историософски, а не исторически, то есть с точки зрения того, что было истиной в отличие от того, что представлялось истиной когда-то для участников событий, осмыслить подоплёку драмы лета 41-го года, когда накренилась вся великая плита евразийской государственности и цивилизации, в обретении столь нужных нам уроков и ориентиров в условиях её нового крушения.

Кто был в центре событий 1941 года? Кто был Александром I и Кутузовым, Политическим лидером и Национальным главнокомандующим в одном лице? Кто был сознательным дирижёром или бессознательным какофонистом той мелодии, что разыгрывалась над великой восточно-европейской равниной? – Иосиф Сталин!

Именно от него как от центра надо исходить в попытке уловить смысл событий, здесь, вокруг него, они сгущались, стягивались, бугрились в шаржированной обобщённости, отсюда уходили, ослабевая и индивидуализируясь.

Какую главную для себя задачу решал и, как показывает итог войны, решил И.В.Сталин в отчаянные дни лета 1941 года? Что было для него тем рычагом, ухватившись за который он полагал изменить ход событий, – о чём никогда не говорил, не называл, и только изредка обрывал слишком назойливых комментаторов своих действий после войны, и особенно тех из них, кто проводил тождество его стратегии 1941 года кутузовской линии 1812-го – эта столь подходившая к утверждавшемуся стереотипу «величайшего полководца всех времён и народов» побасенка, кажется, его особенно раздражала, известно его высказывание, которое по смыслу её перечёркивает «наше отступление было не следствием свободного выбора, а тяжёлой необходимостью».

Чтобы сделать какой-то вывод или, по крайней мере, отбросить кое-что из набравшейся исторической шелухи, особенно последних лет, следует рассмотреть хотя бы главные обстоятельства, предшествовавшие 1941 году, объективно или субъективно повлиявшие на принимаемые тогда решения и проводимые действия, – иные из них уже сами отбросят часть вороха околонучных домыслов.

Зададимся и ответим на несколько вопросов.

Была ли для Сталина 2-я Мировая война неожиданной в общем плане?

Позвольте напомнить в век дилетантов с лагерно-математическим, танково– идеологическим и органо-философским образованием, в настоящее время предъявляемыми обществу как «историки», на худой конец как «мыслители» ряд прописных для цензового профессионального преподавателя курса гражданской истории фактов генезиса 2 Мировой войны.

1915 год – в секретном меморандуме членам кабинета министр иностранных дел Великобритании лорд Э.Грей доводит до сведения коллег, что целью Англии на послевоенный период является безусловное недопущение России к Черноморским проливам, только что ей обещанным. Это делало неизбежной военную схватку между двух держав в обозримом будущем. Даже слабая, трусливая итальянская буржуазия, «не допущенная» после войны на Балканы и в Африку, ответила Англии и Франции Бенито Муссолини и войной – тем более неизмеримо более могущественная российская буржуазия. Новый раскол мира был заявлен.

1916 г. – Германский Генеральный Штаб (знаменитый. Большой Штаб Мольтке и Шлиффена) приходит к выводу, что изменившиеся цели Германии – слом национальных суверенитетов в Европе и установление безусловного германского преобладания – не могут быть достигнуты в идущей мировой войне и необходима еще одна всемирная схватка. Нельзя не восхищаться непреклонной последовательностью этих парней – ещё не кончена одна война, гремит тысячеголовая артиллерия на Сомме – а они планируют новую! Да что там планируют – начинают готовить! После войны победители были очень озадачены, обнаружив огромные высеченные штольни в скальных кряжах Лотарингии и непонятный канал, начатый постройкой в Бельгии. Только в 1945 году, когда все документы Большого Штаба стали доступны обозрению, открылось, что Лотарингские подземелья предназначались под стратегические накопительные склады боеприпасов 2-й мировой войны, а по бельгийскому каналу в её случае должна была быть подвезена сверхтяжелая артиллерия на баржах для организации береговой обороны и бомбардировок Англии.

1921 г. – В.И. Ленин, оценивая в канун Генуэзской конференции угрозу совместного выступления капиталистических держав против Советской России в случае неприятия ультиматума о долгах, устанавливает её беспочвенность, т. к. налицо глубочайший раскол западных стран, а отношения Японии и США на Тихом океане достигли такой степени антагонизма, что могут быть разрешены только войной.

1927 г. – Молодой капитан американской армии Д.Эйзенхауэр только что женившийся на очаровательной девушке и тяготясь небогатым офицерским жалованьем и службой в малярийных болотах Панамы, обращается с вопросом к своему начальнику, известному генералу Скотту, имеет ли перспективы армейская служба. Всю ночь при свете керосиновой лампы, расхаживая по палатке перед молодым офицером, маститый военачальник делает вслух оценку ситуации в мире и приходит к заключению – не позже 12 лет 2 мировая война неизбежна. Армейский опыт в этих условиях становится бесценным капиталом. Как известно, в 1939 году Д. Эйзенхауэр был единственным полковником американской армии, имевшим опыт управления бронетанковыми частями, что за 4 года подняло его от рядового старшего офицера до четырёхзвёздного генерала и главнокомандующего вооружёнными силами 12 государств в Европе!

1930 г. – Имперский генеральный штаб Великобритании не продлевает своего очередного моратория «10 лет без войны», признавая её реальную возможность.

1934 г. – Рейхсканцлер А.Гитлер ставит директиву перед военно-промышленными органами Германии начать непосредственную планомерную подготовку к войне, рассчитанную на 5 лет со сроком безусловной готовности на конец 1939 года, которой подчинить все ресурсы, организацию, пропаганду. Это решение бесповоротно – если война не начнётся в указанный срок, Германию ждёт финансовый крах в том же 1939 году.

Само разнообразие свидетельств, из разных лагерей, от разных лиц, на разных уровнях – от политического до бытового, – отвергает предположение, что для И.Сталина в стратегическом плане война была неожиданна.

Ещё одна особенность в этих свидетельствах – война признавалась реальностью, её предвидели и Ленин, и Скотт не на основе анализа межсистемных «коммунизм – капитализм», а, оценивая внутрисистемные противоречия капиталистического мира, т. е. она не могла быть остановлена единоличной волей СССР и не была ему генетически подконтрольна. Мог ли это

не знать Сталин? Конечно, нет, вся его внешняя политика 30-х годов – восстановление концерта с «сытыми миролюбцами» старой Антанты. В этом и только в этом, в создании системы коллективной безопасности видел он гарантию предотвращения войны. И.Сталин и его креатура М.Литвинов, безусловно, различали «застрельщиков» и «заднескамеечников» военного сползания 30-х годов, «демократов» и «фашистов». Это не была только «линия Литвинова», их близость была больше общепризнанной, ещё с 1900-х годов, когда М.Литвинов осуществлял в боевой организации РСДРП(б) техническую, а И.Сталин организационную подготовку переброски оружия и проведения экспроприаций на цели революции, а позже сплочённо выступали против Л.Троцкого, который весьма проклинал Литвинова и Красина в своих мемуарах. В сущности, это было уже прямое сопоставление себя с одним из лагерей складывавшегося военного раскола мира.

Характерный эпизод 1936 года. 18 июля 1936 г. начался фашистский мятеж против правительства буржуазно-демократического Народного Фронта в Испании. Уже через несколько дней стало ясно, что за спиной мятежников стоят Германия и Италия. Скорее всего, Сталин знал это с самого начала – в середине 30-х годов для нас в Берлине и Риме не было тайн. В начале августа 1936 г. в Кремле состоялось крайне узкое совещание под председательством В.Молотова с участием И.Сталина, которое решало вопрос о целесообразности вмешательства в испанские события и возможных формах помощи ей. Общая политическая оценка была единой – Пиренейский полуостров становился испытательным полем фашизма, тем трамплином, откуда он начнёт свой прыжок на подрыв сложившегося равновесия в международных отношениях – и поражение его здесь, в самом начале агрессивного рывка, будет иметь самые благоприятные последствия, в том числе и для СССР. Участники совещания, в основном, склонялись к мысли, что сама республиканская Испания, военная организация которой предельно ослаблена расколом общества с начала гражданской войны, а техническое оснащение замерло на уровне 1900–1914 гг., боевой же опыт и традиции основываются едва ли не на испано-американской кампании 1898–1900 гг., не сможет устоять перед согласованным вторжением двух первоклассных военных держав – Германии и Италии. Из двух возможных вариантов помощи:

– ограничиться военным снабжением и посылкой добровольцев-инструкторов;

– прямо включиться в события, направив экспедиционный корпус и взяв на себя военно-техническое обеспечение боевых действий республиканцев; большинство высказалось за второе. Попутно выявилась политическая и техническая возможность посылки и поддержки снабжением экспедиционных сил в 5–7 дивизий, достаточных для обеспечения военного, преобладания республиканцев и стабилизации международной обстановки вокруг Испании.

В этих условиях резким диссонансом прозвучало выступление маршала Тухачевского, ответственного за боеготовность РККА как начальника вооружений и председателя комиссии по военной реформе и уставам, заявившего, что штатные полнокровные соединения посылать в Испанию не следует, так как они «покажут там не только сильные, но и слабые стороны Красной Армии», что прозвучало, как заявление о неготовности вооружённых сил в боевом смысле, что совершенно не соответствовало действительности.

Вплоть до осени 1938 года РККА имела равноценную материальную часть с германскими ВВС при превосходстве над итальянскими. В воздушных боях основной советский истребитель И-16 17-го типа, имея равную скорость с лучшим немецким истребителем Ме-109В, превосходил его по вооружению и маневренности, обстановка начала меняться только с появлением в конце войны в Испании пушечного Ме-109Е. На земле же советские пушечные танки БТ-5 и Т-26 прямо-таки подавляли своим превосходством немецкие и итальянские пулемётные Т1, Т2, «Ансальдо». Организация же немецких вооружённых сил в 1935–36 гг. была «детской», едва ли не «ясельной», что обнаружили страшные конфузы во время вступления в Саар и Австрию, после которых распавшиеся, из-за отсутствия опыта вождения войск комсоставом, дивизии по нескольким дням приходилось искать и собирать вдоль дорог с помощью полиции.

Итальянская же армия – по старому генштабистскому анекдоту – во все времена существовала для того, чтобы было кого побеждать австрийцам.

Выступление Тухачевского оказало серьёзное действие, после него совещание «увяло», каких-либо решений принято не было, что означало фактическое принятие первого варианта «капельницы для умирающего». Воздадим должное нашему герою, в августе 1936 года Михаил Тухачевский отвёл от Адольфа Гитлера самую опасную в его восхождении угрозу потерпеть поражение, когда для германских элит он был ещё тёмной лошадкой, едва не выскочкой, и ещё не стал идиолом германского обывателя. Но именно с этого совещания начался отсчёт его последних дней – Сталин поднял и держал его на таком посту не для того, чтобы в крайне острый политический момент узнать о неготовности армии.

Осознавалось ли приближение войны И.В.Сталиным как некая реальность в составе прочих или как неотвратимая страшная неизбежность? Что было в его сознании: «Если будет... Если будет» или – «Будет! Будет! Будет!» Принимались ли в связи с этим меры «вообще», «по способности» или делалось абсолютно всё возможное в её предвидении?

Лучше всего об этом говорит материал структурного социально-экономического рывка СССР в 20-е – 40-е годы. Исключая, может быть, 1926-28 гг., когда чисто военная сторона экономического строительства могла быть сведена к естественной модернизации вооружённых сил, всё межвоенное развитие общества и экономики происходило при ярчайшем высвечивании чисто оборонной, грядущей схваткой определяемой, задачи.

Все наши довоенные пятилетки имели специальную военную направленность. Так:

– в задачу 1-й пятилетки (1928-32 гг.) ставилось создание вооружённых сил, обеспечивающих превосходство над самой крупной военной державой капиталистического мира (в тот момент Францией);

– в задачу 2-й пятилетки (1933-37 гг.) ставилось создание военного потенциала, обеспечивавшего превосходство над коалицией 2–3 крупнейших в военном отношении капиталистических государств при условии, что столкновение ограничится одним военным театром, Европейским или Азиатским;

– в задачу 3-й пятилетки (1938-42 гг.) ставилось создание военного потенциала, обеспечивавшего превосходство над любой возможной комбинацией крупнейших в военном отношении государств капиталистического мира при любых вероятных вариантах борьбы на всех театрах военных действий.

Реальная схватка 1941-45 гг. произошла – учитывая объединение почти всего военного потенциала Европы в руках Германии и постоянную, хотя и не осуществившуюся угрозу со стороны Японии – по промежуточному – «двухполовинному» варианту, и итоги войны показывают, что планировщики 20-х – 40-х годов заложили в свои расчеты реальные цифры.

Более того, оборонной задаче было подчинено все остальное строительство. Все наши новые предприятия закладывались как производства двойного назначения – мирного и военного. Так:

– заводы сельскохозяйственного машиностроения проектировались по профилю авиационного;

– заводы среднего машиностроения по профилю артиллерийского и миномётного;

– автомобильные заводы по профилю производства бронемашин и лёгких танков;

– тракторные по профилю средних и тяжёлых танков;

– хлебные элеваторы как пороховые производства;

- макаронные фабрики как производства ультрамедленногорящих порохов для дальнотбойной и морской артиллерии;
- папиросные фабрики как патронные производства;
- патефонные заводы как производства мин;
- часовые заводы как производства взрывателей.

На этих заводах заранее организовывались технологические потоки, комплектовалось оборудование, оснастка, создавались вспомогательные производства, укомплектовывался персонал инженерно-технических служб, сосредотачивались расходные и длительные запасы с учётом их обоих назначений.

Американские инженеры потешались над заказчиком, который требовал в проектах пролётов Сталинградского тракторного завода учесть 50-тонные нагрузки вместо обычных 5-7-тонных, что до крайности удорожало строительство, делало производство малорентабельным. Они не догадывались, что эти пролёты должны были принимать на себя не вес тракторов, а вес тяжёлых танков.

Все 10000 предприятий, построенные за две с половиной предвоенные пятилетки, были нацелены на оборонное производство, и, будучи не всегда рентабельны как автомобильные, комбайновые, тракторные, они были эффективны как артиллерийские, авиационные, танковые.

Такой планомерной, всеобъемлющей милитаризации промышленности и сельского хозяйства – ведь те же МТС это полная предмобилизационная готовность всего автотракторного парка страны – не знает всемирная экономическая история, и сверхусилия Германии 1935-39 гг. на её фоне выглядят скромно.

В результате этой работы советская экономика приобрела фантастическую управляемость и маневренность, способность почти мгновенно развернуть военное производство. Если мобилизация промышленности Великобритании потребовала 22 месяца, из них 9 месяцев без прямого воздействия неприятеля, если экономика США, не затронутая войной, мобилизовалась за 36 месяцев, то экономика СССР, при прямом воздействии войны, мобилизовалась за 3–4 месяца по основным производствам и за 7 полностью. Никакой сверхэнтузиазм, штурмовщина, порыв не могли обеспечить такого результата без этой гигантской планомерной работы довоенных лет. И только при полном осознании неизбежности войны она могла быть принята, запущена и осуществлена.

И если бы она не была произведена в Советском Союзе, кто бы её произвёл в мире? А без неё – что бы остановило А.Гитлера и горевших энтузиазмом мирового господства панцер-бестий самой воинственной нации 20-го века? В этой работе, единственно возможной тогда только в СССР, закладывалось спасение мира – и только Одна Шестая могла её осуществить по состоянию, традициям, устремлениям общества и, добавим, провидению её вождя.

Крупнейшим стратегическим решением И.Сталина той поры стало резкое форсирование темпов индустриализации с начала мирового экономического кризиса 1929-32 гг. Всемирная экономическая катастрофа резко осложнила обстановку для СССР. С одной стороны, крайне усилилась неустойчивость всего международного положения, мировая «теснота» капитала будила поиск «свободных зон» и «пространств», выносила на поверхность крайние шовинистические течения, получившие массовую социальную базу в лице выбитой из колеи, озлобленной против Государства, Бога и Соседа, массы.

С другой стороны, кризис в первый и последний раз открыл перед нами мировые рынки передовой техники и технологий, не завалывшихся, перезрелых – новеньких, пахнущих лабораторной краской и сверкающих конструкторской белизной. Бессилие ошалевших буржуазных государств, судорога зоологического пароксизма страха, пронизывающая капитал, раскрыла перед нами двери цехов, КБ, плазов, сняла занавески над кульманами, раскрыла лабораторные журналы.

В очередь на советские заказы стали «Ф.Крупп» и «Демаг», «Маннесманн» и «Пратт энд Уитни», «Рено-Кодрон» и «Фоккер», свои новейшие изделия предлагали на продажу Мессершмитт, Дуглас, Хейнкель, Кристи, Ройс – мировая техническая элита. Открывалась возможность выкачать весь задел из портфелей и мозгов Европы и Америки, но не далее 2–3 лет, положенных кризисом.

И Сталин это осуществил, бросив на приобретение бесценного опыта и оборудования временно оказавшегося бесхозным всё, до последнего грамма золотого запаса, экспортного килограмма зерна, штуки вывозимого яйца. В 1932 году в условиях, когда стихия кризиса начинает ослабевать, знаменуя конец режима доступности, он в последнем усилии вырвать из Запада всё, что только нужно и можно было взять, резко увеличивает продовольственный экспорт. В корче и ужасе умирающих голодной смертью детей, людоедстве безумного одичания взрослых шёл поток технического импорта этого года. Сама жестокость этого события прямо утверждала – Сталин осознавал войну как данность неизбежную и неустранимую, только в безусловной уверенности мог он осуществить это действие – первую битву нескорой ещё военной драмы, более тяжёлую, чем грядущие сражения, которую он должен был выиграть у собственного народа, взяв у небогатых необходимое ради того, что ещё не осознавалось.

Но поток оборудования, патентов, технологий, хлынувший в страну, требовал инфраструктуры, корпусов, персонала – ждать возведения новых площадок, коммуникаций, образования квалифицированных кадров в разбуженных медвежьих углах значило на 3–4 года омертвить приобретённый капитал, заморозив при этом в существующем состоянии имеющийся потенциал изъятием огромных средств на импортные закупки, т. е. получить результат, обратный тому, которого добивались. То есть его приходилось устанавливать, развёртывать, пускать не в новых центрах на Востоке, итогов работы которых следовало ждать через 5–7 лет (т. е. не ранее 1938–39 гг.), а в старых на Западе, на существующих площадках, в районах концентрации рабочей силы, интеллекта, навыков, не уменьшая, а, увеличивая уязвимость территориального размещения военной промышленности, к западным центрам которой тяготели не только дореволюционные военные производства, но и привязывались новые, впервые развёртываемые, например, алюминиевые комбинаты Волхова и Днепропетровска, авиамоторные, танковые и авиационные производства Харькова, военная химия, специальная металлургия, тяжёлое машиностроение Запорожья, Мариуполя, Таганрога, точная механика Ленинграда, ограничивая их размещение на восток линией Волги. Это не было делом свободного выбора – это была диктуемая всем комплексом сверхиндустриализации в предельно краткий (9–10 лет) срок необходимость и неизбежность.

Мы вступили в войну, имея 1-й в мире авиационный и танковый парк (16600 и 17300 единиц) и 2-й артиллерийский (63100 единиц – сказались последствия борьбы М.Н.Тухачевского с «морально устаревшим родом войск» вплоть до прекращения в 1934–35 гг. всех опытно-конструкторских работ и закрытия артиллерийского КБ). Сколько танков и самолётов имела бы РККА на 22 июня 1941 года, если бы их производство вместо 1933–34 гг. было бы развёрнуто в 1938–39 гг., ведь с 1934 по 1939 год мы ежегодно производили только танков по 3–3,5 тысячи? И какого качества были бы наши конструкторы и их разработки, если даже при развёрнутом устоявшемся производстве понадобилось 5–6 лет, прежде чем они стали законодателями мировой танковой и авиационной моды (Т-34, КВ и Ил-2 появились летом–осенью 1939 года)?

Давала ли эта лавина вооружений надежды на безопасность, связанную с чисто количественным фактором «да у них... – да у нас...»? Да! Но не сохранялось ли в осторожном и зорком уме ощущения какой-то шаткости, неустойчивости, необеспеченности такого положения, когда военная промышленность притянута к самой опасной западной границе, молчаливого присутствия того инстинктивного вопроса «А что, если...», который возникает вне какой-либо

связи с обстановкой, не столько в разуме, сколько в чувстве, подобно тому, который начинает роиться при взгляде в пропасть даже из-за надёжного парашюта: «А вдруг не выдержит?»

Был ли Сталин способен оценить чисто военную сторону происходящих событий, увидеть в них иной смысл, нежели тот, что подсказывают военные советники; был ли он независим в своих выводах и на основе какого уровня представлений, знаний и профессионализма они основывались?

Становление профессионального революционера И.В.Сталина происходило в особой, не дискуссионной, а деятельно-практической обстановке Боевой организации РСДРП(б) (название условное – тех структур, которые технически обслуживали 1-ю, русскую революцию), где волевое и силовое начало было ведущим, а основное занятие представляло собой специфическую форму войны.

Гражданскую войну провёл «полевым членом» РВС нескольких фронтов, в том числе и 2-х главнейших, Южного в период наступления А.Деникина и Юго-Западного в период Советско-Польской войны. Стал известен как ведущий организатор успешной обороны Царицына в 1918 году и один из руководителей обороны Петрограда в трудных условиях 1919 года. Был одним из инициаторов создания, вопреки противодействию Председателя РВС республики Л.Д.Троцкого, крупного, манёвренного объединения – Первой Конной армии, – тактика которого была наиболее близка «глубоким операциям» мотомеханизированных войск будущего, формирование которых в 30-е годы почти во всех армиях мира происходило именно на основе кавалерийских соединений.

Но сам он более всего ценил и, кажется, считал «своей» операцию по штурму считавшихся неприступными балтийских фортов «Красная Горка» и «Серая Лошадь» летом 1919 г., редкий для Гражданской войны, где главенствовала пехота и кавалерия, пример комбинированной операции разнородных сил со значительным составом технического элемента: сухопутных, флота, авиации, бронечастей, морской, наземной, воздушной и артиллерийской атаки.

В основном же всю войну он выступал как организаторско-волевое начало при специалистах-главнокомандующих, в отношении с которыми обнаружил большую психологическую наблюдательность. Его конфликт со Свечиным летом 1918 г., в свете опубликованных недавно дневников последнего, представляется вполне закономерным. О диком, почти пещерном антидемократизме и ксенофобии царского генерала сохранились свидетельства слушателей военных академий 30-х годов, нередко сгонявших его с кафедры. Приходится напоминать об этом, т. к. данное лицо выставляется А.Солженицыным как «последняя надежда России» в 1917 г., а его арест Сталиным в 1918 г. объявлялся завистью «самодурствующего парвеню».

Всё же Сталин определённо предпочитал хозяйственно-управленческую работу, с увлечением взялся за неё в мирную передышку 1920 года, получив назначение начальствующим Уральской Трудовой Армией, и крайне неохотно возвращался от неё «с повышением» на реввоенсовет Юго-Западного фронта.

Сталин не играл в «наполеончика», не находил себя в чисто военной области и уже вследствие этого как на Южном, так и на Юго-Западном фронте не подменял командующего А.И.Егорова и известное расхождение Юго-Западного на Львов (Егоров) и Западного на Варшаву (Тухачевский) фронтов, приведшее в военной части к неудаче Польского похода, было конфликтом не Сталина-Тухачевского, а Тухачевского-Егорова. Роль Сталина в нём иная, его обычная волевая поддержка своего командующего придала невероятную силу позиции Егорова, сделала его ошибку особенно губительной. Для самого Сталина она должна была стать уроком другого рода – никогда не обуславливать своего решения только доверием к кому бы

то ни было; а итог любого мероприятия, как бы блестяще оно ни начиналось, определять лишь по его завершении.

Есть ли в его действиях последующей поры свидетельства такого вывода? А невероятная карьера М.Тухачевского в 30-е годы, при несомненной поддержке Сталина ставшего 1-м человеком в военной иерархии, исключая К. Ворошилова, у которого была иная роль – политкомиссара над армией. Сталин определённо учёл урок Польского похода и без шума, назначениями и продвижениями утверждал «чужого» Тухачевского над «своим» Егоровым.

Многие наблюдатели отмечали, что в 1942-45 годах Сталин становился придирчивым, строгим, выделяя ошибки и упущения в момент успеха того или иного военачальника, «ссаживая» его из состояния эйфории, и наоборот, становился снисходительным, доброжелательным к ним, если они попадали в тяжёлое положение, терпели не обусловленные их усилиями неудачи, поднимал дух и настроение, являя столь важное в момент уныния доверие. Это уроки 1941 года? По быстротечности событий там почти не было столь различных примеров – в полной своей зримости такой был в 1920 году!

В межвоенные годы его связь с армией развивалась и принимает несколько иной характер – это не столько участие в повседневной жизни войск, сколько общие вопросы военного строительства, кадровая политика, уровень стратегии и доктрины. Он вёл державный корабль – военачальники заведовали его пушками. Для него военная проблематика начиналась в невидимой глубине угольных ям и трюмного чрева, для них с боевых рубок, погребов, появлявшихся неведомо откуда снарядов, механизмов, стволов. До испанских событий чисто армейская сфера обладала определённой автономией в рамках его интересов, присутствовала в них опосредствовано, через других лиц – К.Ворошилова, М.Тухачевского, Я.Гамарника. Можно утверждать, что он, постепенно нисходил с политического количественного уровня оценок в чисто военной проблематике к осознанию качественной определённости этой области, и если в 30-е годы он ещё не принимает участия в Киевских манёврах, так сильно продвинувших теоретическую мысль военного сообщества, то в 1939 году просит у Г.К.Жукова Боевой устав сухопутных войск, дошедший экземпляр которого сохранил множество следов его карандаша, а в 1940-м году присутствует на военной игре Генштаба, где являли своё мастерство К.А.Мерцков и Г.К.Жуков.

Из всего круга лиц, оказывавших воздействие на формирование его военных представлений, особо выделялись Б.М.Шапошников и М.Н.Тухачевский, хотя и в разных планах. Влияние Б.М.Шапошникова, которого немецкие источники 30-40-х годов называют «гроссмаршалом», «великим стратегом», равного которому Германия не имела со дня смерти Шлиффена, было постоянным и непререкаемым в течение всей жизни Бориса Михайловича, единственного в окружении Сталина, к которому он обращался по имени-отчеству вместо обычного «товарищ – фамилия». Теоретические труды и многолетняя деятельность Б.Шапошникова легли в основу развития мозга армии – Генерального штаба, он воспитал знаменитую «шапошниковскую школу» стратегов, к которой принадлежали А.М.Василевский, И.А.Антонов, М.В.Захаров, В.Д.Соколовский. Культура, благородная сдержанность, тактичная принципиальность военачальника оказывали большое влияние на Сталина и в личном плане, умеряя жестокие порывы его воли. В общении с Шапошниковым у него вырабатывались те формы отношений с высшими институтами вооружённых сил, что определяли способы принятия им решений в войне; по нему он вымерял и последующих руководителей Генштаба.

Отношение к М.Н.Тухачевскому (которого, кстати, Б.М.Шапошников недолюбливал, как недолюбливает серьёзный «работающий на войну» генштабист «играющего в неё» кавалергарда) было другим – между ними лежала широкая полоса личной несовместимости. Сталин не переносил самолюбования, игры способностями, внешнего артистизма с налётом барского снобизма, но в то же время отдавал должное дару проникновения самого молодого маршала, той обстановке творческой приподнятости, которую он умел создавать вокруг себя.

До 1936 года он устойчиво поддерживал все новации Тухачевского по армии, гасил вспышки острой неприязни между ним и Ворошиловым, не давал ходу скапливавшемуся «компромату» – прямых докладных записок на М.Н. к 1937 году набралось в его деле до полутора десятков —, оценивал явные провалы последнего, например, борьбу против артиллерии и «бомбардировочную болезнь» середины 30-х годов как заблуждения схематического ума. Его собственные представления о войне вырабатывались как бы в критической переработке концепции Тухачевского и уже в 30-е годы обретали черты оригинальности. Будущая война рисовалась ему как война моторов – «моторы на земле, моторы на воде, моторы в воздухе» —, но при всех её хитросплетениях центральный её элемент бой, который, в отличие от Тухачевского, понимался им не как эпизод в операции, единственно неизбежный при прорыве линии фронта, а далее полёт разбрасываемых по карте стрел – а как её постоянное занятие, с первого до последнего дня.

С точки зрения оценки «по бою» складывалось его представление о техническом составе вооружённых сил и борьба за него, нередко принимавшая характер столкновения с увлечённым иными идеями военным ведомством. Следует вспомнить:

– битва за штурмовики (с 1936 по 1939 гг.), отвергаемые 3-мя последовательно репрессированными главками ВВС;

– битва за фронтовые бомбардировщики (не понимавшие их значения, влюблённые в тяжёлые машины конструкторы «осознали свои ошибки» только в заключении);

– стойкое сохранение артиллерии как рода войск, обеспечивающего огневое превосходство на поле боя от наскоков М.Тухачевского, о чём так много пишет в своих мемуарах В. Г. Грабин;

– внедрение толстобронных универсальных танков в состав вооружённых сил: вспомним, что Т-34 разрабатывался почти в тайне от отвергавшего его Автобронетанкового управления РККА, увлечённого идеями «автомобильных прогулок» на БТ в глубокие тылы противника.

Уже тогда он разбирался глубже в некоторых военно-стратегических проблемах, нежели специалисты-военачальники. Адмирал И.С.Исаков приводит крайне интересное свидетельство о редчайшей поездке вождя на Север – белой ночью, находясь на мостике эсминца, Сталин в присутствии офицера в задумчивости, как бы для себя произнёс: «И что они говорят – Балтика, Балтика... Здесь, на Севере, надо строить флот». Это свидетельство нового понимания значения океанов для великой державы политическим деятелем И. Исаков запомнил на всю жизнь – в составе военно-морского командования той поры он подобного понимания не встречал.

Было ли мышление Сталина догматическим, малоподвижным, утвердившимся в определённых схемах и не подверженным иным влияниям? Была ли его воля разновидностью маниакальной одержимости, как, скажем, у А.Гитлера, развившейся болезнью самоутверждения, которая заменяет естественный вид событий воображаемой картиной?

Сталин был рыжеватым шатеном 173 см. роста, крепкого телосложения, с правильным строгим, красивым лицом, отмеченным по низу щёк следами оспы. Был очень фотогеничен: привыкшим к штампу «кремлёвского горца» рекомендую поставить в ряд фотографии Сталина, Троцкого, Бухарина тех лет и сравнить без предвзятости. Свидетельства кинофотоматериалов подтверждаются и воспоминаниями очевидцев 30–40 гг. – назову только иностранцев А.Идена, Г.Гопкинса, Ш.Де Голля, У.Черчилля, Д.Эйзенхауэра – единодушно отмечавших его выразительный запоминающийся облик.

Имел физический недостаток – одна рука короче другой, последствия травмы в зрелом возрасте во время купания. Какой-либо физической неполноценности, психического комплекса от этого он не испытывал и, будучи заядлым любителем бани, совершенно спокойно демонстрировал своё тело посторонним людям, никогда не пытаясь уединиться. Из окружающих лиц какое-то значение придавал этому дефекту только его портной, который шил один рукав его френчей и мундиров короче другого – большинство этого даже не замечало. Полицейские карты внешнего осмотра арестованного и близкие ему лица начисто умалчивают о его «всем известной шестипалости».

Наблюдатели отмечали его исключительный слух и умение почувствовать тончайшее настроение собеседника, способность «разговорить» окружающих до полного раскрепощения; большие многогласные собрания ему нравились, он наблюдал за ними с приметным удовольствием, его личное соучастие в них было ощутимо, а его фразы, отмеченные особой точностью смысла, запоминались.

Имел хорошее базовое образование, был 4-м в выпуске Тифлисской духовной семинарии, дававшей гимназический курс по предметам общеобразовательного цикла. Каких-либо экзгибиционистских наклонностей во время учёбы, приписываемых ему позднее, не проявлял, о чём свидетельствует двукратное заступничество церковных властей во время первых арестов. Вообще «бытового иконоборчества» не проявлял никогда и в 30-е годы выговаривал А.М.Василевскому за разрыв с отцом-священником; на восстановление отношений с православной церковью в 1941 году пошёл легко и быстро.

По духовным задаткам был склонен к гуманитарным предметам, истории, литературе, в молодости писал стихи, по шкале оценок 1980-х годов «на республиканском уровне», т. е. достаточно талантливо. В семинарии изучал иврит, эллинский, латынь. Степень владения первыми неясна, латинских авторов, особенно Тацита, знал хорошо, о чём свидетельствует академик Е.В.Тарле, общавшийся с ним в 40-е годы. Какой-то особый интерес к античности, и именно к римской, подталкивал его внимательно следить за трудами Р.Виппера. Этот нараставший специальный гуманитарный интерес незадолго до смерти прорвался в его личном вмешательстве в дискуссию по вопросам языкознания, где он резко и обоснованно обрушился на вульгарно–социологические схемы культурно-исторического процесса Покровского–Марра, – вне этих внутренних пристрастий его вмешательство необъяснимо, искать в них иную, политическую подоплёку малопродуктивно.

Любимыми литературными авторами были Максим Горький, «Жизнь Клим Самгина» которого он перечитывал в разгар Московской битвы; Михаил Булгаков, в прозе которого он особенно ценил «Собачье сердце» и держал в своей библиотеке 3 экземпляра (1 рукописный), а из драматургии «Дни Турбиных», которую смотрел 15 раз в постановках разных московских театров наперекор заушательской критике Луначарского и Свидерского, «властителей дум» 20–30 годов. В то же время, «Мастера и Маргариту» ставил весьма низко, считая подражательским гоголевской мистической традиции набором талантливых эпизодов, не сложившихся в единое целое по слабости связующей философской канвы (и ей-ей, прав! Машинопись романа представляли органы «для решения»). Испытывал интерес к творчеству Николая Эрдмана, в частных беседах неоднократно упоминая пьесу «Самоубийца» как превосходную.

Из поэтов сразу и исключительно высоко оценил В.Маяковского, которого В.И.Ленин, например, едва терпел; выделял Б.Пастернака – и не за панегирики в свою честь; но особенно Арсения Тарковского, которого после войны резко отчитал за попытку перевести стихи «посредственного грузинского автора Иосифа Джугашвили» на русский язык как пустую трату ценного времени.

После смерти обнаружилось ещё одно его увлечение – собирал карикатуры на себя и особенно ценил, держал под рукой в ящике письменного стола лист «Панча», на котором он изображён в женском платке и юбке поверх галифе танцующим полонез с А.Гитлером.

Были ли эти разнообразные внешние проявления выражением безотносительного интеллекта или за ними таилась сложившаяся мировоззренческая глубина – ведь, например, его великий антагонист У.Черчилль представлял собой редкостное сочетание талантов и способностей, увы, на крайне тощей философско-прагматической основе? Одно частное замечание И.Сталина чуть приоткрывает завесу – как-то, говоря об академике М.Б.Митинё, он бросил фразу, что тот философ «полезный, но средний», т. е. выразился в оценочно-специальном смысле, с высоты того представления, которое носил в себе.

Как оригинальный самостоятельный комплекс это представление возникло вне академической школы, а развивалось на некоторых начальных философских посылах, вырастая в процессе практического миропостижения, и крайне интересно взглянуть на исходные пункты этого восхождения, полного результата которого мы уже никогда не узнаем.

В «Кратком курсе истории ВКП(б)», который он вроде бы написал, но несомненно давал вводные и редактировал, бросается в глаза прямо-таки упоение гегелевской диалектикой. Материализм как общесистемное представление там заявлен, но богатство и страсть примеров обрушены именно на диалектику. Она и особенно два её первых закона – объект его чувственного поклонения.

Являя ситуацию как калейдоскопическое сочетание разнородных процессов, противоречивых сторон, восходящих и нисходящих кратковременных и долговременных промежуточных форм, она вырабатывала у него привычку искать главное, определяющее, т. е. формировала его мышление как аналитическое и логическое, а не интуитивное, можно сказать, что он был лучше защищён от самого изошрённого злонамеренного замысла, нежели от обычной глупости.

В то же время, воспринимая людей и события как явленный итог противоречий, он видел их в своём представлении шире и глубже общепринятого, ощущая присутствие скрытых краин бытия, и в этом смысле мог понять А.Гитлера глубже и образней, чем Рузвельт и Черчилль, представления которых лежали в рамках количественной непрерывности, а всё не укладывающееся в неё, как этот ефрейтор – просто неприличный сатанизм, о котором можно только гадать.

И, наконец, следует сказать о наполняющей всё это несгибаемой неистовой внутренней силе, ожогами вольтовых разрядов гальванизировавшей, окружающих. Ф.Шаляпин на всю жизнь запомнил то чувство возникшего тигра, когда Сталин в мягких сапогах прошёл через гостиную на встрече у М.Горького. У.Черчилль писал в мемуарах, что даже он, воспитанный в нелицеприятных традициях английского парламентаризма испытывал инстинктивное желание вскочить и замереть с вытянутыми руками по швам, когда советский лидер входил в зал очередной конференции. Впрочем, это не мешало двум заядлым «совам» с интересом общаться друг с другом до 2–3 часов ночи, но вряд ли усыпляло насторожённость советского вождя, 4 личных помощника которого сбежали на Запад.

Итак

Канун 2 мировой войны И.Сталин встретил в расцвете опыта, предвидения и воли, сложившимся военно-политическим деятелем, в полном владении всеми навыками государственного, политического и идеологического управления, в обострённом внимании зоркого, насторожённого интеллекта, в способности воспринять любую жестокую правду реальности и ответить на неё предельно беспощадным, ничем не ограниченным решением.

Как оценивалась угроза войны в 1939 г. и насколько реально было оказаться втянутыми во 2 мировую войну с самого начала?

С середины 1938 года война уже не грезилась в пиренейском отдалении, а полыхала на территории СССР:

– в июле 1938 г. происходят бои у озера Хасан на Дальнем Востоке; начавшиеся с неудачные первые атаки у Хасана привели к гибели массы легкобронных танков на японском противотанковом рубеже;

– в феврале 1939 года пала республиканская Испания; завершение борьбы приносит крайне тревожное известие – советская авиация утрачивает тактико-техническое равенство с ВВС вероятного противника, в последних боях новые немецкие пушечные истребители Мессerschmidt-109 Е со скоростью 570 км/час бьют советские И-16 со скоростью 460 км/час;

– в мае 1939 года начинаются крупномасштабные боевые действия у Халхин-Гола в Монголии, и опять неудачи; первые воздушные бои завершаются поражением советской авиации, вооружённой самолётами И-15 и И-16 первых серий;

На Западе вот-вот должен рухнуть польский буфер под ударами вермахта и тогда опаснейшая угроза войны на обоих театрах, Европейском и Азиатском, становится злободневной реальностью!

В июле 1939 года И.Сталин делает последнее отчаянное усилие создать систему взаимной безопасности в Европе на Англо-франко-советских переговорах в Москве, но когда обнаружилось, что в ответ на предложенные К.Ворошиловым 136 дивизий Англия (Дрэк) и Франция (Думенк) готовы раскошелиться на 10–16, стало ясно, что с ними надо кончать.

Была ли угроза войны с Германией летом 1939 года реальной и требовало ли действительное положение СССР той поры отсрочки военных событий; стоила ли она того, чтобы давать А.Гитлеру свободу рук в Европе?

Если бы не советско-германский пакт о ненападении, Гитлер в условиях японской поддержки на востоке бросился бы на нас несомненно – летом 1939 года он бросился бы на кого угодно, даже на Господа Бога в защиту погранных арийских прав Сатаны.

К лету 1939 года выполнение военной программы 1934 года поставило Германию, которая, в отличие от СССР, не обладала хозяйственной автаркией, на край экономической катастрофы – все ресурсы и источники поступления валюты были израсходованы, клиринговая торговля зашла в тупик, кредитные рынки исчерпаны. В мае министр финансов Шахт доложил рейхканцлеру, что с июня-июля будет вынужден начать приостановку платежей за кредиты и по краткосрочным обязательствам. Это означало неминуемый крах сначала экономики, потом режима:

– германская промышленность не могла функционировать без шведской железной руды и т. д.;

– немецкий транспорт не мог существовать без румынской, советской и прочей нефти;

– германское население не могло обойтись без русского хлеба, а сельское хозяйство без жмыхов.

Только одна карта имелась на руках – не вполне готовый к полноценной войне, но уже обладающий мощным аппаратом вторжения вермахт.

Только одна перспектива оставалась у гитлеровской элиты – безоглядно ринуться в войну, которая снимет все долги и уничтожит всех кредиторов!

По условиям июля 1939 года налицо был «небогатый» выбор – либо Пакт, либо война на 2 фронта в условиях, когда Германия и Япония не будут изолированы от мирового сообщества и его ресурсов, а СССР окажется в политическом вакууме. И это в ситуации, когда испанские и дальневосточные события показали крайнюю необходимость срочной технической модернизации, а бои на Дальнем Востоке – и несостоятельность части высшего комсостава (В. Блюхер у Хасана, Фекленко на Халхин-Голе). Приходится напомнить сторонникам «демократической», «антифашистской» войны в 1939 году, что впервые бегство наших дивизий с поля боя мы увидели до 1941 года, на Халхин-Голе (84 Пермская стрелковая), и это зрелище, вскрывшее низкую боеготовность запасных частей, настолько поразило присутствовавшего в районе конфликта маршала Г.Кулика, что он впал в пораженчество и стал требовать сдачи Халхин-Гола; только твердая позиция нового командующего Г.К.Жукова восстановила положение. В этих условиях Сталин проявил выдающееся чувство реальности, разом повернувшись навстречу той ситуации, что определилась летом 1939 года, отодвинув все сомнения, переступив через мгновенно опавшее «обожание» «мировой», «демократической» и прочей общественности и вырвав в условиях крайнего дефицита политических рычагов максимум из Пакта;

– перемещение западной границы, т. е. грядущего рубежа вторжения на 400700 километров далее, мимоходом решив историческую задачу, недостижимую для русского царизма, – воссоединение украинского и белорусского народов;

– и нарушил, как представлялось летом 1939 года, а в действительности расколол немецко-японское военное сотрудничество, усилив «морскую» антиамериканскую «партию» в противовес «сухопутной» антисоветской в правящих кругах Японии.

Неведение этих фактов равносильно признанию профессиональной несостоятельности к занятиям историей – не видеть их выдающегося исторического смысла и последствий могут только ангажированные «органчики».

Ослабило ли заключение Пакта чувство военной тревоги у Сталина? Стал ли он полагаться на 10-летний (до 1949 года – по букве договора) мирный период?

Факты показывают другое:

– в сентябре 1939 года утверждена кадровая система прохождения службы в армии, в полном объёме восстановлена всеобщая воинская обязанность, что увеличило численность армии вдвое, а расходы на её содержание в 3,5 раза;

– одновременно введён особый режим работы в промышленности: начинается нарастающий перевод производств на выпуск военной продукции;

– резко ускоряется строительство заводов-дублёров на Востоке.

Куда, скажите, поместились те 1523 эвакуированных предприятия лета-осени 1941 года – в коровники? кинотеатры? рестораны? – да, и туда тоже, но в ледяных пустынях Сибири легче найти ярангу, чем кинотеатр... В основном, в недостроенные, но с подведёнными коммуникациями коробки заложенных в 1938-40 годах корпусов! Иначе при всём сверхуспехе эвакуации пуск производств через 3–5 недель на новых местах в Сибири и на Урале был невозможен!

Тревога Сталина нарастает с непередаваемой силой по мере успехов вермахта на Западе. Два его мероприятия, имевшие огромное значение для скорой военной поры прямо говорят об этом:

– летом 1940 года он вопреки мнению всего военно-промышленного руководства страны вводит запрет на производство старых образцов вооружений из уже имеющихся запасных частей и комплектующих и о переходе на выпуск только новейшей, даже и не вполне доведённой техники, бросив свои известные слова «на старых самолётах легко летать, но их легко и

сбивать», что означало омертвление огромных ресурсов, недополучение тысяч единиц танков и самолётов. Как показали будущие события, это решение оказалось правильным – и дело не только в том, что к 22 июня РККА получила 2650 новых самолётов и 1840 современных танков, но особенно в том, что переход на выпуск новейшего вооружения был завершён до войны, к весне 1941 года, и промышленность более не нуждалась в стратегической перестройке производства до 1945 года по модернизационному запасу принятых в 1939-40 гг. основных типов вооружений против немецкой, вынужденной начать этот мучительный процесс в 1942 году ввиду исчерпанности модернизационного запаса принятых в 1935-36 гг. основных образцов вооружений; или английской, первые полтора года войны тяжело изживавшей имевшееся производство старого вооружения наряду с новым;

– в условиях невозможности преодолеть в краткие сроки превосходства Германии в выплавке алюминия (1-е место в мире), что обеспечивало её превосходство в выпуске цельнометаллических боевых машин, принял решение не на «долгий вариант» преодоления отставания строительством новых алюминиевых комбинатов, полагаясь на Пакт, а запустил «пожарное решение» перейти в производстве самолётов на деревянные конструкции по типу разработок Фоккера, что позволило, подключив переданные 20 сборочных и 20 моторных заводов к имеющимся 6 авиационным и 6 авиамоторным, получить полуторное превосходство в мощностях авиационной промышленности над Германией уже к марту 1941 года.

В отрицательной части это решение означало 2-3-кратное сокращение сроков службы самолётов и оправдывалось только соображением, что в войне «век истребителей краток», при условии, что она рядом, иначе деревянные машины могут просто преждевременно сгнить!

Допускал ли Сталин возможность войны в 1941 году?

А. М. Василевский свидетельствует, что в 1940-41 годах Сталин неоднократно говорил ему о перспективе войны «далее 42-го года мы в стороне не удержимся», подразумевая её внешне-принудительный к советской политике характер. На 1942 год была ориентирована и огромная военная программа 3й пятилетки. Но война – действие двустороннее, а если Германия нападёт в 1941 году?

Ряд фактов говорит, что уже с середины 1940 года Сталин начинает оценивать обстановку как нетерпимо опасную:

– прекращается строительство Стратегического Большого Флота и все силы и средства бросаются на краткосрочные военные программы;

– принимается неслыханная программа формирования 25 танковых корпусов, и не в старой модели М.Тухачевского, тысячные стада «легкобронных скакунов» без какого-либо сопровождения других родов войск, а как объединения разнородных взаимодействующих на поле боя сил «огонь– броня– мотопехота» со сроком комплектации личным составом к лету 1941 года;

– резко ускоряется формирование стратегических и мобилизационных запасов.

Но сразу следует признать – гигантское взрывное усиление Германии в результате Западной кампании 1940 года, когда англо-французские союзники вместо ожидавшегося военными наблюдателями года были сокрушены за 40 дней, вследствие чего за 2 месяца военный потенциал вермахта более чем удвоился (запасы стратегического сырья, современное вооружение 160 дивизии, военная промышленность всего континента) не могло быть преодолено к лету 1941 года. Только с апреля начиналось массовое поступление новой техники в войска и какого-либо ощутимого результата насыщения армии этими средствами и средне-терпимого уровня владения ими следовало ожидать к октябрю, после проведения летней учебной кампании танковыми и авиационными соединениями. Более того, начальный период переучивания

сопровождается падением боеспособности войск, ещё не овладевших новым вооружением, что следовало особо учесть. Самый опасный период этого состояния временного падения боеспособности приходится на первые 2/3 летней военной кампании, которая в условиях Европейской части СССР длится с 10 мая по 20 сентября, т. е. 142 дня – далее знаменитое русское бездорожье, которое немецкие специалисты оценивали хуже африканского по разнице температурных разбросов и воздействию на технику – и с 10 ноября зимняя кампания. Было известно:

– немецкая армия не имеет зимнего обеспечения (обмундирование, ГСМ, средства преодоления бездорожья), одно из следствий «рывка» 1935-39 гг;

– более того, она оснащена только с учётом условий войны в Западной Европе (ширина гусениц бронемашин, транспортные узлы орудий, состав и количество автотранспортных средств, обеспеченность средствами полевого аэродромного базирования).

Т.е. зимняя кампания для неё совершенно недопустима и своих целей она может и должна добиваться только в летней кампании.

Учитывая темпы стратегического наступления на Западе (приблизительно 10 км в сутки при 400-километровом продвижении) по несравненно лучшей дорожной сети, для поражения важнейших центров в Европейской части СССР вермахту требовалось не менее 140–150 дней, т. е. германские планировщики только-только укладывались в рамки отпущенного природой срока.

Таким образом, если решение о нападении на СССР принималось, оно должно было осуществляться не позднее 2-й декады мая – после войны выяснилось, что первый утверждённый вариант плана «Барбаросса» определял срок нападения 12–15 мая 1941 года! Ряд мер Сталина свидетельствуют, что он понимал серьёзность этой угрозы:

– февральский 1941-го года пленум ЦК ВКП(б) прямо ориентирует партию, государство и общество на военную опасность;

– в марте-апреле 1941 года была проведена операция «Туман» – массовая депортация антисоветских и профашистских элементов из западных приграничных районов в глубь СССР, нанесён упреждающий удар по выявленным центрам немецкой разведки; такие «чистки» обычно приурочивают к кануну войны, с тем, чтобы в самый острый момент её начала лишить противника каналов информации (вспомните массовые расстрелы деклассированных элементов в парижских фортах в августе 1914 г. или превентивное заключение в концлагеря германской диаспоры в Англии в 1914 и 1940 годах);

– в апреле начинается выдвижение 4-х армий из внутренних округов в приграничную зону;

– в феврале-мае 800 тысяч военнослужащих запаса 1-й очереди призваны на повторную военную службу;

Но это были ответно-пассивные меры на возрастающую угрозу, которые сами по себе не могли остановить запущенный военный каток – надо было сорвать немцам всю подготовку начала летней кампании каким-то неординарным ударом по самой германской военно-политической машине. И тут возникает крайне интересный Югославский эпизод!

27 марта группа патриотических офицеров во главе с Душаном Симовичем свергает профашистское правительство Цветковича-Мачека. С неслыханной быстротой 5 апреля 1941 года Советский Союз подписывает договор о дружбе, ненападении и дружеском сотрудничестве в случае нападения 3-х стран с Югославией. Возникает то ли видимость, то ли реальность двухфронтной, Советско-Балканской коалиции, в которой кроме Югославии просматривается Греция, уже ведущая войну против Италии; насторожившаяся против немцев и итальянцев Турция; обиженные на итоги Венского арбитража королевские круги Румынии; английский экспедиционный корпус; болгаро-русские симпатии...

Гитлер, которого со времён 1-й мировой войны преследует кошмар 2-го фронта, реагирует предельно остро и истерично – 6-го апреля вторжением в Югославию начинается Бал-

канская кампания вермахта, завершившаяся 2 июня штурмом Крита. Таким образом, лучшее время удара по главному стратегическому противнику Гитлер разменял на второстепенный в стратегическом плане блестящий частный успех. Но был ли Югославский вариант единственным? Что полагал Сталин, если Гитлер пренебрежёт Балканами как второстепенной целью и обрушится на Союз?...Только в 20-х числах мая началась переброска немецких танковых и мотомеханизированных соединений в Польшу и лишь в начале июня, после тяжёлой Критской кампании, началось перемещение авиационных частей, что означало достижение полной готовности вермахта в третьей декаде июня и, таким образом, потерю Германией 40–50 дней летней кампании (о чём немецкие офицеры будут так жалеть в октябре-ноябре под Москвой) – а само нападение делало стратегически безрассудным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.